

НИКОЛАЙ СИЛЬЧЕНКО

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ВИДОВОГО СОСТАВА ИСТОЧНИКОВ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА

История развития правовой науки свидетельствует о том, что термин «источник права» использовался ранее и используется сейчас в нескольких смыслах, т.е. данным термином обозначали ранее и обозначают сейчас различные социально-правовые реальности. Не приводя здесь подробного описания всех имеющихся в литературе значений словоформы «источник права», подчеркну, что в теории позитивного права термином «источник права», как правило, принято обозначать внешние формы выражения и закрепления норм действующего позитивного права. Данный ракурс понимания термина «источник права» был весьма распространен в дореволюционной российской [1, с. 66] и советской юридической доктрине [2, с. 580]. Точно также «формально-юридическое представление об источниках права в отечественной и зарубежной юридической литературе является в настоящее время, пожалуй, наиболее распространенным и наиболее часто употребляемым [3, с. 51]». Можно сказать, что теория позитивного права стремится к тому, чтобы наполнить слоформу «источник права» однозначным содержанием.

В то же самое время отметим, что по вопросу о многозначности термина «источник права» в белорусской и российской юридической науке были высказаны и иные мнения. Так, С.В. Бошно, в многозначности термина «источник права» видит «не только не недостаток, а достоинство, которое дает возможность учесть неполное совпадение права и закона, несовершенство формы, ее отрыв от источника и сущности [4, с. 8]». В белорусской юридической науке аналогичной позиции придерживается К.Л. Томашевский, который подчеркивает, что полисемия в использовании понятия «источники права» имеет «важное теоретическое и методологическое значение полный отказ от использования этой категории, а также ее сужение до одного единообразного смысла нецелесообразны, поскольку этот термин давно устоялся в юридической литературе, а его понятие является настолько дискуссионным и неоднозначным, особенно в условиях плюрализма типов правопонимания,

что дать ему единое (интегративное) определение не представляется возможным [5, с. 8]».

Мы полагаем, что теория позитивного права не может в полной мере воплотить свою миссию, если один и тот же термин будет использоваться в разных значениях. Для юриспруденции — науки, которая требует точности, ясности и единообразия в понимании и использовании терминов и понятий, особенно для правовой догматики, которая тщательно изучает действующие правовые системы, формулирует закономерности развития права и выдвигает предложения по совершенствованию действующего позитивного права, полисемия является делом нежелательным, так как она ведет к своего рода «терминологическому кризису». При полисемии требуется уточнение смысла употребляемого термина, так как без этого специалисты в области права перестают понимать друг друга. Для обеспечения единообразного понимания и применения норм позитивного права к самым разным жизненным ситуациям, в целях установления справедливости в общественных отношениях необходимо абсолютно одинаковое понимание содержания норм позитивного права и, соответственно, тех текстов, в которых они излагаются, всеми субъектами права, как теми, кто создает источники действующего позитивного права, так и теми, кто их применяет.

Все эти обстоятельства не раз заставляли специалистов и практиков в области права прийти к взаимопониманию в единообразном использовании тех или иных юридических терминов. В романо-германской правовой системе «консенсус» достигался чаще всего путем определения спорного термина в законодательстве, т.е. путем формулирования дефинитивных норм права. После этого указанный термин входил в повседневную правовую практику и закреплялся в ней в определенном смысле. Однако, далеко не всегда попытки именно такого выхода из «терминологического кризиса» могут быть успешными. Дело в том, что в юридической науке и правовой системе существуют термины, которые не используются в позитивном праве и поэтому не оказывают непосредственного влияния на правоприменительный процесс. Именно к этой категории и относится термин «источник права». В позитивном праве используются термины, обозначающие отдельные виды источников права — закон, декрет, указ, постановление, обычай и т. д., а родовым термин «источник права» употребляется преимущественно в научной и учебной литературе. Это спасает юридическую практику, но оставляет поле для научных споров.

В своё время профессором А.Ф. Шебановым было сформулировано предложение о необходимости замены словоформы «источник права» на словосочетание «форма права» [6, с. 17]. Но данное предложение не было поддержано большинством учёного сообщества и в современной юридической литературе используется одновременно как словоформа «источник права», так и термин «форма права». Причём существуют по крайней мере три

позиции относительно того, каким образом они соотносятся между собой: 1) термины «форма права» и «источник права» являются тождественными; 2) термины «форма права» и «источник права» различаются, но их различие проводится в разных вариантах; 3) полное различие этих терминов и понятий без их пересечения, но при наличии других терминов, при помощи которых термины «форма права» и «источник права» можно сопоставить между собой [4, с. 6–7].

В общем плане мы разделяем третий из указанных методологических подходов и полагаем, что необходимо выйти за пределы своеобразной дихотомии «источник права — форма права», а также комбинирования известных терминов и словосочетаний — источники (формы) права или формы (источники) права. Для определения внешних форм выражения и закрепления действующего в обществе позитивного права можно было бы целесообразно использовать термин, который наиболее адекватно соответствует характеру той правовой реальности, которую обозначают — того официально закрепленного «резервуара», в котором содержатся нормы действующего права. Таким термином может быть термин «источник норм права» [7, с. 41–42]. При таком подходе к определению содержания понятий и терминов под формами права можно было бы понимать правосознание, правовые отношения, правовые акты индивидуального характера и ряд других правовых реалий, в которых реально существует, проявляется действующее право. Термин «источник норм права», таким образом, будет использоваться для характеристики только одной формы права — действующего позитивного права, а точнее — тех официально признанных средств закрепления и выражения общеобязательных, формально-определенных правил поведения — норм позитивного права.

При решении вопроса о соотношении понятий и терминов «источник права» и «форма права», «источники норм права» следует иметь в виду, что на содержание каждого из этих терминов напрямую влияют подходы к определению понятия и сущности права. На данный аспект проблемы обращали внимание белорусские и российские исследователи [8–11], но он требует более основательного и самостоятельного анализа. Вместе с тем, влияние концепций правопонимания на определение содержания анализируемых терминов не надо преувеличивать и тем более абсолютизировать. На доктринальном уровне такие связи можно выразить лишь в самом общем плане. Естественно, более тесные зависимости существуют между терминами «источник права», «форма права» и «источник норм права» в тех правовых системах, где существует легальное определение понятия права.

После распада советской правовой системы и в условиях формирования качественно новых правовых систем в государствах СНГ в юридической литературе было высказано мнение о том, что под источником права следует понимать обусловленный характером понимания права способ признания

социальных норм в качестве обязательных [12, с. 219]. Дело, однако, в том, что в рамках одной и той же национальной правовой системы существует единая система источников позитивного права, но в то же самое время реально существует несколько теорий (концепций) понимания права. Такая картина наблюдается во всех известных нам правовых системах. Например, в Индии вместе проживают мусульмане, которые имеют свою отличительную концепцию понимания права, и индусы, понимание права у которых не похоже на мусульманскую теорию, тем не менее, в государстве существует единая для всех граждан, всей общины система источников права.

Кроме этого, в словосочетаниях — «понимание права — способ признания социальных норм в качестве обязательных» — ведущей является не первая, а вторая часть. Анализ различных правовых систем с их отличительными системами источников права, характером создания права свидетельствует о том, что понимание права обычно обуславливается изучаемой правовой реальностью во всей ее сложности и неповторимости. Для романо-германской правовой семьи, где главным источником права является изданный государством нормативный правовой акт, наиболее характерными являются теоретические концепции нормативистского плана, в которых право понимается в качестве системы норм действующего позитивного права и обычно характеризуется через связь с государством. Наоборот, в мусульманской правовой системе, где основными источниками права являются Священное писание, и право понимается не иначе, как божий дар, его связь с государством не является существенной для правопонимания.

Вместе с тем, споры о понимании содержания термина «источник права» не прошли бесследно. Постепенно в научной литературе для обозначения сил, обуславливающих существование и развитие права, стали использовать понятие факторов правотворчества. Таким образом, был значительно сужен круг тех социально-правовых реальностей, которые обозначаются термином «источник права» и был сделан важный шаг к установлению единообразного понимания данного термина. Можно предположить, что развитие теории источников права и впредь будет проходить в направлении закрепления самостоятельного термина за каждым из отмеченных аспектов, которые сегодня обозначаются общим термином «источник права». Соответствующие, неизвестные пока нам, термины будут изобретены и в отношении других аспектов понимания термина «источник права». Например, словосочетание «памятники права» широко используется в историко-правовых исследованиях. Данный термин можно было бы использовать и в теории позитивного права для обозначения источников права относительно исторических правовых систем.

Среди белорусских ученых не существует взаимопонимания по вопросу о видах, «наборе» источников современного белорусского права. Автором данной статьи в середине девяностых годов прошлого века было высказано

предположение о наличии в каждой из правовых систем следующих видов источников права: правовой обычай, правовой прецедент, договор нормативного содержания, доктрины (науки), священного писания (церковных норм) и нормативного правового акта. Причем, был сделан вывод о том, что все эти источники права в различных соотношениях использовались в ранее существовавших и используются в ныне действующих правовых системах [13]. Отмеченные виды источников права, как свидетельствует история права, позволяют закрепить и должным образом изложить весь спектр норм действующего позитивного права.

Каждый из указанных источников права, во-первых, наиболее адекватно отражает отдельные стороны регулируемых общественных отношений, а во-вторых, является наиболее подходящим для воздействия на социальные связи в тех или иных исторических условиях. Правовой обычай наиболее подходящий для регулирования общественных отношений, которые характеризуются стабильностью и консерватизмом в условиях постепенного, эволюционного развития общества, права и государства. Напротив, нормативный правовой акт и договор нормативного содержания наиболее примечательно проявляют свои свойства в условиях постоянного развития и изменчивости общественных отношений, если нужно четко определить тенденции в развитии социальных связей. Доктрина (наука) обычно является наиболее благоприятным источником права в условиях исторических катаклизмов, когда срочно нужно заполнить «правовой вакуум». Правовой прецедент наиболее благоприятный источник норм права в так называемых открытых правовых системах, где точно не очерчена сфера действия права. Его используют также при необходимости исправить недостатки в правовом регулировании общественных отношений другими источниками права и в целях адаптации действующей системы права к изменяющейся действительности без коренной «ломки» и постоянных изменений основных источников права.

Поскольку в отечественной юридической науке высказываются и другие мнения относительно видového состава источников права, рассмотрим ряд спорных аспектов данной проблемы.

Нельзя одновременно включать в перечень источников права как принципы права, так и правовую доктрину (науку). Во-первых, принципы права существуют в двух формах — в форме научных (доктринальных) выводов, идей и положений, либо в форме (оболочке) других действующих источников права. В современных правовых системах принципы права, как правило, закрепляются в нормативных правовых актах, но встречается их закрепление и в других источниках права, например, договорах нормативного содержания, правовых обычаях и т.д. Если речь идет об *официальном* использовании в правотворческой или правоприменительной деятельности принципов права в форме научных идей, выводов, положений, мы по сути имеем дело с доктриной (наукой) в качестве источника права. А если речь идет об использо-

вании принципов права, которые уже *закреплены* в действующих источниках права, мы имеем дело не с наукой в качестве источника права, а с другими видами источников права — нормативным правовым актом, договором нормативного содержания, правовым обычаем и т.д.

Во-вторых, принципы права, которые существуют в форме научных идей, выводов и положений, составляют лишь часть той реальности, которую мы привычно называем правовой наукой (доктриной). Правовая наука (доктрина) по объему представляет более широкое явление и включает, помимо принципов права, научные положения иного характера и содержания. В этой связи было бы нелогично часть правовой доктрины — правовые принципы — выделять в качестве самостоятельного источника права наряду с другими видами источников права — доктринальными (научными) положениями, которые по каким-то причинам не входят в состав правовых принципов, как было бы, например, нелогичным считать закон в строго юридическом смысле слова — отдельный акт, изданный парламентом — самостоятельным источником права наряду еще с одним видом источников права — нормативным правовым актом.

Таким образом, какого-то отдельного источника права под названием «принципы права» (или правовые принципы) не существует. Те признаки и особенности принципов права, которые обычно упоминаются при доказательстве того, что данная правовая реальность может быть отнесена к составу источников права, как бы «растворяются» среди признаков и особенностей других источников права, охватываются ими настолько, что не остается таких специфических параметров в принципах права, которые бы свидетельствовали в пользу их выделения в качестве самостоятельного источника права наряду с другими видами источников права.

Данный вывод подтверждается и относительно системы источников международного права. В международном праве точно также, как и в системе национального права, принципы права являются источниками действующего права лишь после того, как они приобретают форму правового обычая или международного договора — основных источников международного права. Те же принципы права, которые формулируются в науке (доктрине) международного права и используются при разработке, принятии и исполнении международных договоров, при толковании содержания международно-правовых норм, выполняют ту же самую роль, что и юридическая наука (доктрина) внутри определенных национальных правовых систем при правотворчестве и правоприменении.

Примерно такую же позицию относительно выделения принципов права в качестве самостоятельного источника международного права занимают и авторы белорусского пособия по международному праву, которые отмечают, что «любые принципы международного права, так или иначе, находят свое воплощение в конкретных нормах договорного или обычного международно-

го права. Следовательно, так или иначе, покрываются положениями п. 1а 1 b ст. 38 Статута Международного Суда ООН [14, с. 154]». Напомним, что в п. 1а 1 b ст. ст. 38 Статута Международного Суда ООН в круг источников международного права, на основании которых Международный Суд ООН обязан решать дела, переданные на его рассмотрение, относятся: международные конвенции (как общие, так и специальные) и международные обычаи.

Интересным и малоисследованным на сегодняшний день является вопрос о влиянии и роли религии (священного писания) на развитие источников права, а также возможность использования канонических (церковных) норм в качестве источника норм права в правовой системе Республики Беларусь.

Известно, что религия вообще, священные книги, канонические (церковные) нормы (правила) оказывали ранее и оказывают сегодня значительное влияние на развитие права и его источников в различных правовых системах. Правовые системы тех стран, где были сильны позиции христианской церкви (например, в континентальной Европе) сформировались и приобрели современный вид в плане действующих источников права под очень сильным влиянием христианства, его традиций и норм [15]. Долгое время, особенно в Средние века, церковные правила (нормы) использовались в Европе в качестве одного из ведущих, основных источников права наряду или параллельно с нормами права, которые исходили от государства [16–17]. Известно, что на территории Великого Княжества Литовского, Жемойтского и Русского, а также Московского государства действовали такие источники права, как Прохирон и Номоканон (Кормчая книга) — свод правил поведения систематизированного характера, в котором были помещены нормы светской и церковной власти. Кормчая книга являлась одним из ведущих источников права и действовала на протяжении нескольких веков. Часть норм канонического (церковного) права нашла закрепление в Статутах Великого Княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг.

На развитие современной правовой системы Республики Беларусь и источников права значительное влияние оказывает Белорусская Православная Церковь. Христианские ценности традиционно являются важной составной частью образа жизни белорусов, их мыслей, поведения. Значительно возросли авторитет и влияние Белорусской Православной церкви на жизнь современного белорусского общества. Это не могло не повлиять на развитие правовой системы Беларуси. Можно зафиксировать и определить тенденцию, согласно которой православные ценности и правила (нормы) поведения начали оказывать влияние на развитие и эволюцию источников белорусского права. В частности, значительное влияние на развитие такого источника права, как договор нормативного содержания, оказывает Соглашение о сотрудничестве, заключенное между Белорусской Православной Церковью и Республикой Беларусь [18, с. 7–10].

Но христианские ценности и нормы (правила) поведения оказывают не только опосредованное, «косвенное» влияние на развитие современного белорусского права, правовой системы, правосознания и правовой культуры белорусского общества, изменение в характере и содержании отдельных видов источников права. Можно привести и конкретный пример использования церковных (канонических) норм в качестве дополнительного источника действующего белорусского права.

Так, согласно статье 147 Трудового кодекса Республики Беларусь [19] работа не осуществляется в государственные праздники и праздничные дни, которые установлены и объявлены Президентом Республики Беларусь нерабочими. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 157 в редакции Указа от 12 мая 1999 г. № 268 «О государственных и праздничных нерабочих днях» [20] одним из таких дней объявлена Радуница (по православному календарю). И если все государственные, праздничные и нерабочие дни указаны в Указе Президента конкретной датой, то Радуница упоминается в качестве нерабочего дня без указания конкретной даты. Почему? Потому что согласно церковным (каноническим) нормам, для Радуницы не определена точная и конкретная дата. Согласно церковным нормам и традициям, Радуница отмечается во вторник второй (Фоминой) недели после Пасхи. Пасха — праздник, который имеет передвижной характер и ежегодно меняет свою конкретную дату, в целях точного определения которой в 325 году по Р.Х. на Вселенском Никейском Соборе была сформулирована норма (правило): «На основании новозаветного учения о седьмом дне, решено, что христианскую Пасху нужно всегда праздновать в воскресенье. Наконец, решено, что для указания времени года, в котором надлежит праздновать христианскую Пасху, должно всегда служить первое полнолуние после весеннего равноденствия. На основании всего этого объявлено следующее решение: 1) христианскую Пасху должны все праздновать в воскресенье, 2) воскресенье должно приходиться после первого полнолуния, наступающего после весеннего равноденствия, 3) если случится, что в тоже воскресенье придется и иудейская пасха, то христианская Пасха должна праздноваться в следующее за тем воскресенье [21, с. 53]».

Таким образом, конкретная дата нерабочего дня, в который отмечается Радуница, определяется на основании нормы права, которая сформулирована в Указе Президента Республики Беларусь от 12 мая 1999 г. № 268 и на основании церковных (канонических) норм, с помощью которых определяется конкретная дата Пасхи и Радуницы. Причем норма, которая сформулирована в Указе Президента Республики Беларусь, является первичной нормой (первичным источником права), а церковные (канонические) нормы могут быть отнесены к вторичным нормам (дополнительный источник права). Без нормы права, сформулированной в Указе Президента Республики Беларусь, церковные нормы не имеют общеобязательного значения. В то же самое вре-

мя без церковных норм не может быть реализована и норма Указа. Данные нормы действуют и реализуются только в органическом единстве. Понятно, что до введения в действие вышеуказанного Указа Президента Республики Беларусь, если нерабочими днями в Беларуси были второй день Пасхи по православному (юлианскому) и католическому (григорианскому) календарю, количество норм (правил) церковного (канонического) характера, которые использовались в качестве вторичных норм права при определении конкретных нерабочих дней, была большей.

В современной российской и белорусской юридической науке внимание широкого круга ученых привлекает такой источник права, как правовой прецедент. Были высказаны самые разные мнения по поводу возможности использования прецедента в правовой системе Республики Беларусь и Российской Федерации. Спектр высказанных взглядов выглядит довольно пестро: от безоговорочного признания прецедента источником современного права в этих правовых системах до их отрицания, с промежуточными позициями о правовом положении и правовой практике, которые являются источниками права.

Автором данной статьи на самой заре формирования современного белорусского права и национальной правовой системы в монографии, посвященной теории закона [22], и в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук [23–24], были сформулированы философско-методологические основания и теоретические положения о системе источников права и их иерархии в условиях провозглашения и закрепления на конституционном уровне принципа разделения власти, в том числе и соображения об использовании прецедента в качестве источника отечественного права. В частности, при исследовании проблемы отражения и закрепления закономерностей регулируемых общественных отношений в законе и других источниках права, был сделан вывод о том, что при регулировании общественных отношений каждый из известных источников права занимает свою особую нишу и воздействует на те или иные стороны социальных связей. Так, например, закон сориентирован главным образом на закономерности, которые уже сформировались и которым подчиняется развитие и функционирование общественных отношений, а в основании прецедента как отдельного источника права всегда находится конкретное проявление существующих закономерностей, иными словами, конкретное житейское дело, ситуация — неотъемлемое проявление и форма существования закономерности — решение или рассмотрение которых соответствующими судебными (другими юрисдикционными) инстанциями приводит к формированию общеобязательного правила поведения как для субъектов рассматриваемого дела, так и для других субъектов права. И именно этим очень важным моментом прецедент отличается от похожих на него правовых явлений.

Таким образом, с прецедентом мы имеем дело не при обобщении судебной практики по отдельным однородным делам и судебной статистики в той

или иной форме, не при формулировании правоположений высшими судебными инстанциями, не при толковании действующих норм права и тем более не при выражении мнений правового характера авторитетными авторами и структурами. Анализ тех правовых ситуаций, которые обуславливают формулирование и существование правоположений, напоминающих правовой прецедент — общий, абстрактный характер норм права; наличие в законодательстве оценочных понятий; наличие пробелов в позитивном праве и т.д. — дает основания утверждать, что прецедент в его «классическом проявлении» в белорусской правовой системе может быть создан только при пробельности в действующем праве, когда, во-первых, в действующем праве отсутствуют нужные нормы позитивного права и судебное учреждение должно заполнять пробел путем создания нужной нормы права (правоположения), во-вторых, когда созданная в таком порядке норма права (правоположения) будет использована, заимствована другой судебной инстанцией при рассмотрении аналогичного дела.

Причем, очень важно подчеркнуть то обстоятельство, что при создании прецедента имеет принципиальное значение не только решение конкретной судебной инстанции в форме правоположения (нормы права), но и то, что оно используется в качестве шаблона другими судебными инстанциями. Без использования правоположения (нормы права) другими судебными инстанциями не может быть завершен процесс создания прецедента, не будет завершен, образно говоря, прецедентный процесс. Дело здесь в том, что решение суда, которое принято в случае пробельности позитивного права, может быть отменено вышестоящей судебной инстанцией. В данном случае решение определенной судебной инстанции останется только решением этой судебной инстанции по конкретному делу, но не будет являться прецедентом.

Кстати, и в англосаксонской правовой семье новый прецедент создается тогда, когда суд при рассмотрении конкретного дела не находит в действующем праве конкретных норм права в форме ранее созданных прецедентов, в правовых обычаях, доктрине или уставном праве и вынужден самостоятельно формулировать правовую позицию, на основании которой он будет решать правовой казус. Правда, особенности английского общего права не требуют того, чтобы рассматриваемое судом дело входило в сферу действия права, другими словами — имело правовую природу (правовой характер), и суд не обязан доказывать факт пробельности в действующем праве. Если соблюдена процедура обращения к защите интересов, суд обязан рассмотреть дело по существу и вынести решение.

[1] Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права./ Н.М. Коркунов. — СПб., 1909. — 421 с.

[2] Марксистско-ленинская общая теория государства и права. — Т. 1. — Основные институты и понятия. — М., 1970. — 742 с.

[3] Марченко, М.Н. Источники права: Учебное пособие. // М.Н. Марченко. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — 760 с.

[4] Бошно, С.В. Правотворчество: путь от источника к форме права. Лекции / С.В. Бошно. — М.: Изд-во РАГС, 2002. — 102 с.

[5] Томашевский, К.Л. Новые концептуальные подходы к понятию и классификации источников трудового права. / К.Л. Томашевский // Вестник БГУ. — 2010. — № 1. — с. 6–10.

[6] Шебанов, А.Ф. Форма советского права / А.Ф. Шебанов — М.: Юридическая литература, 1968. — 289 с.

[7] Сільчанка, М.У. Паняцце і віды крыніц сучаснага беларускага права. / М.У. Сільчанка // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. — 2006. — № 2. — с. 41–49.

[8] Дубовицкий, В.Н. Правопонимание и источники права / В.Н. Дубовицкий // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. — Правазнаўства. — 2008. — № 2 (70). — с. 3–11.

[9] Егоров, А.В., Егорова, А.Г. Понятие и источники романо-германского права / А.В. Егоров, А. Г. Егорова. // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. — Сер. 4. — Правазнаўства. — 2008. — № 3, с. 7–10.

[10] Сільчанка, М.У. Праблемы азначэння паняцця, вызначэння відаў, юрыдычнай сілы і сістэмы крыніц права / М.У. Сільчанка // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. — Сер. 4. — Правазнаўства. — 2008. — № 2. — с. 11–17.

[11] Станкевич, О.Г. Экономические законы как материальный источник права / О.Г. Станкевич // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. — Сер. 4. — Правазнаўства. — 2008. — № 2. — с. 17–23.

[12] Теория права и государства: учебник / Под ред. Г.Н. Манова. — М.: Изд-во БЕК, 1995. — 456 с.

[13] Сільчанка, М.У. Агульная тэорыя права / М.У. Сільчанка. — Гродна: ГрДУ, 1997. — 112 с.

[14] Международное публичное право. Общая часть: учеб. пособие / Ю.П. Бровка [и др.]; под ред. Ю.П. Бровки, Ю.А. Лепешкова, Л.В. Павловой. — Минск: Амалфея, 2011. — 496 с.

[15] Акимов, В.В. Богословское понимание цели ветхозаветного законодательства / В.В. Акимов // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. — Сер. 4. — Правазнаўства. — 2008. — № 2. — с. 62–67.

[16] Болоховский, Н.И. AUDENTIA EPISKOPALIS в кодексе Феодосия 11 младшего / Н.И. Болоховский // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. — Сер. 4. — Правазнаўства. — 2008. — № 1. — с. 21–25.

[17] Болоховский, Н.И. Sponsalia в римско-византийском и каноническом праве / Н.И. Болоховский // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. — Сер. 4. — Правазнаўства. — 2009. — № 1. — с. 45–50.

[18] Сотрудничество государства и Белорусской Православной Церкви в Республике Беларусь: Сборник документов/ Составитель А.В. Бройко. — Минск, 2004. — 87 с.

[19] Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 1999. — № 80. — 2/70.

[20] О внесении изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 года № 157: Указ Президента Республики Беларусь, 12 мая 1999 г., № 268 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 1999. — № 39. — 1/346.

[21] Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Дамагинско-Истрийского./ Пер. с сербского. — В 2-х т. — Т. 2. — М.: Отчий дом, 2001. — 764 с.

[22] Сильченко, Н.В. Закон: проблемы этимологии, социологии и логики./ Н.В. Сильченко. — Минск: Навука і тэхніка, 1993. — 119 с.

[23] Сильченко, Н.В. Проблемы верховенства закона: дисс. ... доктора юрид. наук. Гродно, 1993. — 355 с.

[24] Сильченко, Н.В. Проблемы верховенства закона./ Автореф. дисс. ...доктора юрид. наук. Гродно, 1993. — 52 с.

SOME PROBLEMS OF DEFINING THE NOTION AND KINDS OF SOURCES OF BELARUSIAN LAW

Summary

The article focuses on different ways of defining the notion and kinds of sources of Belarusian law. The author presents their evolution. Finally, he “discovers” a new approach to religion and precedent as the sources of law in Belarus.